

ЛЕОКА ХАБАРОВА

18+

Леока Хабарова

Сбежать из Академии

<https://litres.ru/73880063>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как попасть в магическую академию? Вариантов масса! Можно получить письмо-приглашение, угодить в портал или даже очутиться в чужом теле. Мой случай куда более прозаичный – меня просто приняли на работу. Секретарём. Однако волшебный мир оказался не таким чарующим, как представлялось...

Содержание

ГЛАВА 1. ЗГУ им. ЗГУ	4
ГЛАВА 2. Антон	12
ГЛАВА 3. Об условиях и не только	19
ГЛАВА 4. Оформление по ТК плюс соцпакет	25
ГЛАВА 5. Запредельный трансфер	32
ГЛАВА 6. Вокзал для троих	38
ГЛАВА 7. Опозданием мы наказаны [1]	44
ГЛАВА 8. Работа не волк	51
ГЛАВА 9. Совещание	58
ГЛАВА 10. Суета сует	65
ГЛАВА 11. Абзац	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Леока Хабарова

Сбежать из Академии

ГЛАВА 1. ЗГУ им. ЗГУ

"Запредельный Государственный Университет имени Змея Горыныча Уроборусова"... Гигантские золотые буквы на чёрном мраморе, а рядом наш фирменный трёхглавый логотип огнём дышит...

Эпично!

И как меня только угораздило сюда попасть? Хотя... Как-как. Заурядно до зубовного скрежета! Искала работу, разместила резюме на сайте, и вот – результат: "мы готовы заключить с вами договор". Нет, ну а что? Работодателю требовался "коммуникабельный, исполнительный, ответственный и максимально стрессоустойчивый женский человек в девяти поколениях с опытом работы не менее пяти лет, готовый к переезду в Запределье". Я подходила по всем параметрам. Даже последнее требование не смущало: после тяжёлого развода готова была отправиться хоть на Юпитер. Эх... Лучше бы всё-таки отправилась на Юпитер, честное слово. Уверена, там гораздо спокойнее, чем в нашем дурдоме имени Змея Горыныча.

Эх!

"Уволюсь, – в который раз пообещала я себе. – Непременно уволюсь. Вот только аккредитацию пройдем – сразу заявление понесу подписывать".

– Да-да! – крикнула в ответ на робкий стук, не отвлекаясь от важного занятия: раскладывания документов на подпись по степени срочности и важности. – Входите!

Утро выдалось суматошным. На рабочее место пришлось примчаться ни свет ни заря – в половину восьмого: аккредитация, как известно, ошибок не прощает. Ровно к девяти все бумаги надо привести в божий вид: проверить, подписать, шлёпнуть печати и отсканировать. А ещё кофе сварить и остудить, плетоядный фикус полить, пыль с фолиантов смахнуть и колбы с проклятыми душами в алфавитном порядке расставить. Кошмар кошмарский! Как всё успеть?

– Доброе утро, Ниночка! – в небольшую, но уютную приёмную полувошёл Енисей Симарглович, профессор словоплетения, доктор полумагических наук. Недавно он разменял одиннадцать сотен, но никто не давал ему больше восьмидесяти пяти: крепкий бодрый старикан с сердцем поэта и шевелюрой льва. Седого льва, если точнее. – Мегера Душегубовна у себя?

– У себя, – кивнула я, перекладывая бумаги из стопки в стопку. – Вы хотели что-то?

– Н-нет. То есть – да... – Енисей Симарглович замялся. Он был очень робок. – А она сегодня кто?

– Дракон.

– Огнедышащий или китайский?

– Огнедышащий, – бросила я, отправляя на печать очередной приказ. – У нас же проверка на носу.

– Оу! – магистр заметно побледнел. – Я... это... попозже тогда зайду.

– Ага, – кивнула я и под скрежет старенького принтера добавила: – Всех благ, Енисей Симарглович!

Енисей приходил каждый вторник в течение трёх последних лет и всё пытался что-то спросить у шефини, однако никак не мог решиться. Весь коллектив терялся в догадках, что ж ему такое требуется. Кто-то из коллег даже тотализатор организовал. Я поставила сотню на то, что бедолага хочет выяснить, почему ему до сих пор не выплатили стимулирующие надбавки за участие в подготовке к Ледовому побоищу в качестве консультанта по пафосу. Хотя... имелись и другие варианты. А надбавки те вообще никто из наших не получил: их комиссия по эффективному контракту не одобрила.

– Да-да! – откликнулась на следующий стук, не отрывая глаз от бесконечных таблиц на экране. – Входите!

Вошла Злорада Добронравова. Ведьма со столетним стажем выглядела, как топ-модель: высокая, статная, фигуристая, с копной кудрявых тёмно-каштановых волос и глазами цвета топаза. Редкая стерва и отличный человек. Мне она всегда нравилась. Прямолинейная, местами резкая, вспыльчивая, непредсказуемая и при этом невероятно ответствен-

ная, она постоянно влипала в какие-то совершенно идиотские ситуации. И сегодняшний день, похоже, не стал исключением: вслед за Злорадой в приёмную потянулась стайка студизисов. Глаза несчастных заволокла пелена, руки безвольно болтались вдоль тел, а посиневшие губы чуть заметно шевелились.

– Злорада Церберовна... – глухо бубнел нестройный хор.
– Злорада Церберовна...

– Ох, ё! – я даже от таблиц оторвалась. – Что это у вас?

– Массовый приворот, – вздохнула Злорада и уселась на присутственный стул. – Одна девица заклинанием ошиблась – и вот результат. Ходят за мной и ходят, окаянные. Вторую неделю уже. Сил никаких не осталось!

– Так расколдуйте! Кто-кто, а уж вы наверняка можете рассеять всё это, – я кивнула в сторону студентов, – массовое недоразумение.

– В том-то и дело, что не могу, – Добронравова сокрушенно покачала головой. – Магическое вмешательство с моей стороны должно быть согласовано с начальником подразделения и заверено Которектором, а он в отпуске до тридцатого февраля.

Мои пальцы замерли над клавиатурой.

– И что же, вам теперь так ходить до тридцатого февраля?

– Включительно, – вздохнула ведьма. – Если только Мегера не подпишет разрешение на экстренное вмешательство. Кстати, кто она сегодня?

йду попозже.

– Злорада Церберовна... – бубнили они, протягивая руки. – Злорада Церберовна, поставьте автоматом... Поставьте... Поставьте...

Я покачала головой и открыла очередной файл, но не успела и глазом моргнуть, как из кабинета Директрисы раздался рык. Стёкла в окнах задрожали, лампы замигали и потухли. Фикус опрокинулся. Стопка бумаг, что громоздилась на краю стола, разлетелась по всей приёмной.

– Ни-и-и-и-н-а-а-а-а-а!!! – Голос начальницы напоминал рокот камней, извержение вулкана и рёв голодного василиска одновременно. – Н-И-И-И-И-Н-А-А-А-А-А!!!!

– Бегу-бегу, – проворковала я, подхватывая приготовленный заранее кофе: Мегера Душегубовна любила его чуть остывшим. – Лечу-лечу!

– Н-и-и-и-н-а-а-а!

Начальница утратила человеческий облик полгода назад, когда началась подготовка к аккредитации. С тех пор она превращалась во что угодно, только не в себя саму. Вот и сегодня предо мной предстал здоровенный дракон с кирпич-

но-красной чешуёй и бледно-жёлтыми прожилками на перепончатых крыльях. Рога имели золотистый оттенок, а вот глаза оставались ярко-зелёными, как и в человеческом облике.

– Н-и-и-и-и-н-а-а-а! – снова проревела Мегера... и тут же совершенно спокойно, ласково даже спросила: – Где мой кофий?

– Вот, – я поставила на стол крохотную фарфоровую чашечку с голубой птичкой на белом боку.

– Н-и-и-и-и-н-а-а-а! – драконица пустила дым из ноздрей. – Он не слишком горячий?

– Нет, что вы, – заверила я.

– Хорошо. – Она подхватила чашечку когтем. Подула. – Ты подготовила сводный рейтинг морального облика выпускников за последние двести тридцать пять лет?

Я проработала в ЗГУ достаточно долго и прекрасно знала, какую реакцию вызовет отрицательный ответ: меня либо сожгут, либо сожрут. Да-да. Увы, именно это случилось с моим предшественником. А разделять его участь я не планировала. По крайней мере – не сегодня.

– Разуме-е-ется! – протянула, не моргнув глазом. – Осталось только выправить таблицу по новому шаблону. Его прислали буквально пять минут назад. Там ничего критичного. Просто скопировать данные и...

– Дodelывай немедленно! – рыкнула драконица, выплюнув струю пламени. – Надо срочно отправить отчёт в Глав-

ное Управление по Контролю Всего!

– Конечно-конечно! Уже бегу!

– И вызови ко мне заместителя по непонятным вопросам. Срочно!

– Но... – на секунду я растерялась. – Он же в командировке. На южном полюсе.

– На южном? – драконица явно удивилась. – Что он там делает?

– Решает.

– Что решает?

– Непонятные вопросы, конечно же. Он же по **ним** заместитель.

– Что за ерунду ты несёшь? – пророкотала Мегера, и шипы на её загривке встали дыбом. – Хватит лепить идиотские отмазки! Сказала – вызвать, значит – вызывай! В течение двух часов чтобы был здесь. Явка строго обязательна!

– Слушаюсь, – я заторопилась к выходу, прикидывая, кто из штатных магов быстрее организует портал.

– Постой... – вертикальные зрачки драконьих глаз коварно сузились. – Проверь-ка для начала явку студентов и преподавателей на первую пару, а всех, кого нет, возьми на карандаш и доложи мне пофамильно с указанием СНИЛС и номера страховки. Совсем распоясались в конце семестра!

– Хорошо. Уже бегу.

Я выскочила из кабинета, подхватила блокнот, ручку... и дёрнулась от очередного стука.

– Да-да! Входите!

Вошёл парень малопонятного вида. Чересчур взрослый для студента и дюже бодрый для преподавателя, он добродушно улыбался и восторженно озирался вокруг.

"Новенький", – мгновенно сообразила я, мельком отметив, что он не слишком высок и не особо атлетичен. В общем, ни разу не Геракл, и далеко не Конан Варвар. Каштановые волосы незнакомца растрепались, щёки покраснелись, а глаза за стёклами очков так и блестели азартом – ну прямо образчик профэнтузиазма в режиме "Нам хлеба не надо – работу давай!".

– Здравствуйте! – выпалил он, протягивая руку. – Я – Антон!

ГЛАВА 2. Антон

"Беги отсюда, Антон!" – хотела крикнуть я, но выдавила улыбку и пожала ладонь. Широкую, сухую и тёплую, как нагретый солнцем кирпич.

– Нина.

– Нина? – он прищурился, и я заметила морщинки вокруг глаз. Похоже, парень старше, чем показалось сразу. Просто хипстерский прикид сбивал с толку: незамысловатая красная футболка, потёртые джинсы и кеды кого угодно сделают похожим на подростка-переростка. – А я-то думал, в волшебной академии у всех волшебные имена.

– Можете звать меня Нинель, если хотите, – пожала я плечами и вытащила из ящика картонную папку для личного дела. – Вы, видимо, наш новый метафизик?

– Всё верно, – Антон уселся напротив. – Точнее – просто физик, но прошёл ускоренный курс по основам мироздания и бытия.

– Оу! – я сделала пометку: "внести информацию о переподготовке в личное дело" и принялась вбивать данные нового сотрудника. – Курс на сто шестнадцать или на двести восемьдесят часов?

– Тридцать шесть, – сказал Антон и почему-то смутился. – Из них шесть – дистанционно и тридцать самостоятельно...

А что, кстати, стряслось с прошлым физи... простите, мета-физиком. Уволился?

– Нет, что вы. Отсюда не увольняются: кому такое придёт в голову! – я искренне надеялась, что судороги на моей физиономии сойдут за улыбку. – Ваш предшественник просто заболел.

– Заболел? – Парень нахмурился. – Что-то серьёзное?

– Нет-нет, – я покачала головой. – Лёгкая форма одержимости бесом.

Антон захмурнел пуще прежнего.

– Это... э-э-э... как-то лечится?

– Конечно! К новому учебному году как рукой снимет, – уверила я его. – Подпишите тут и вот тут.

Я протянула ему острый, как бритва, тонкий кинжал и пергамент с контрактом.

– Это ещё зачем? – брови парня поползли вверх.

– Форму А.Д. шесть ноль шесть подписывают кровью, вам разве не сказали?

– Нет!

– Уверяю, это чистая формальность, – сказала я и добавила: – Не волнуйтесь, нож стерильный: я его каждый понедельник дезинфицирую, если не забываю.

– Но... – Антон заметно побледнел. – Я же на замену. Временно. На пару месяцев всего...

– Если станет плохо, я дам нашатырь.

Парень вспыхнул.

– Не в этом дело! Просто...

– Н-и-и-и-и-н-а-а-а-а-а!!!! – донеслось из кабинета, и Антон осёкся на полуслове.

– Проклятье, – буркнула я, но тут же спохватилась: – Это я не вам.

– Я понял.

– Н-и-и-и-и-и-и-и-и-и-н-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!!

– Вы подписывайте пока, а я отойду на полсекундочки.

Антон кивнул, смерив меня внимательным взглядом, и, сморщив от усердия лоб, принялся изучать форму А.Д. шесть ноль шесть.

– Ты сделала, что я просила? – проревела драконица. Кабинет был для неё слишком тесен, и приходилось открывать окно, чтобы выпростать шипастый хвост.

– Что именно, Мегера Душегубовна?

Вертикальные зрачки угрожающе сузились.

– Всё! – рявкнула она и дёрнула хвостом, сбивая с ветхих стен штукатурку. – Надо! Было! Сделать! Всё!!!

– Ну... да. В той или иной степени, – уклончиво ответила я.

Из пасти вырвалась струя огня.

– Ты! – пророкотала Мегера Душегубовна, приподнимаясь на когтистых лапах. – Ты работаешь здесь уже двадцать лет и до сих пор не можешь справиться с элементарными поручениями! Никчёмная безмозглая кукла!

От подобного следовало бы расстроиться... но нет. Помнится, в начале карьеры я даже плакала после таких вот выволочек. Но те времена давно прошли. Я нарастила себе шкуру, которая не уступала в плотности драконьей чешуе. Так что...

– Это всё, Мегера Душегубовна? – равнодушно уточнила я, с тоской подумав о надёжно спрятанном в нижнем ящике стола заявлении об уходе. Два месяца заветная бумажка ждала своего часа. Эх...

Уволюсь. Непременно уволюсь. Сейчас аккредитуемся, лицензию продлим, и сразу уйду!

Драконница пустила дым носом, наклонила морду и клацинула зубами прямо перед моим лицом. Страшно. Но даже вполосину не так страшно, как ипотека.

Дверь кабинета чуть приоткрылась, и директриса мгновенно уловила едва заметное движение в приёмной. Это Антон дёрнулся, надколов палец острым лезвием. Кажется, парень даже ойкнул.

– Кто у тебя там? – начальница насторожилась и перешла на шёпот.

– Наш новый физик, – я тоже понизила голос. – Точнее – метафизик.

– Который на замену Эйдоса Платоновича?

– Да-да.

– И чего ж ты молчишь-то, а? – Директриса растопырила крылья, причиняя и без того разгромленному кабинету ещё

больший ущерб. – Приглашай! Я лично оценю его квалификацию.

– Эм-м-м... – протянула я и, рискуя собственной шкурой, добавила: – Не думаю, что это хорошая идея, Мегера Душегубовна. Его только вчера к нам из Томска распределили. Был бы он из Питера, ещё куда ни шло: они там ко всему привычные. А так... Не дай Бог, испугается. Мало ли. Вдруг у него стрессоустойчивость ниже установленной Которектором нормы?

Директриса фыркнула.

– Думает она! Твоё дело не думать, а выполнять мои распоряжения. Зови физика! Но сначала оформи его как следует. А ещё принеси нам кофий. И чтобы не горячий!

Я вернулась в приёмную и обнаружила Антона посасывающим уколотый палец.

– Вот, – сказал он, демонстрируя пергамент с кровавыми отпечатками. – Я всё подписал. Хотя всё это несколько подозрительно, не находите?

– Ну что вы, – сказала я, вкладывая контракт в папку. – Ничего подозрительного. Так сейчас во многих организациях принято. Особенно в сфере образования. Вот, возьмите.

Я извлекла из ящика ватный диск и, смочив спиртом, передала новобранцу.

– Спасибо.

– И вот вам ещё барбариска.

– А это уже лишнее.

– Ничего подобного, – строго изрекла я. – У меня каждая конфета на учёте. Вы сейчас не возьмёте, потом в обморок упадёте, а я виновата останусь, что вовремя барбариску не выделила.

– Не упаду я в обморок!

– Берите-берите, – настаивала я. – Таков порядок.

Парень громко подумал пару крепких ругательств – они весьма явственно отразились на его физиономии – и сунул леденец в карман.

– Скажите, Антон, вы человек в каком поколении? – уточнила я.

– Ч-что, простите?

– Ваши родители – люди?

Молодой физик откинулся на спинку присутственного стула и скрестил руки на груди.

– Нинель, – он нахмурил брови. – Вы издеваетесь?

Эх, если бы!

– Это информация необходима для заполнения личной карточки, – отчеканила я максимально деловым тоном. – Обычно мы запрашиваем данные до девятого колена.

Антон хмыкнул и покачал головой, а мне вдруг стало ясно, что беседа с Мегерой пойдёт новобранцу исключительно на пользу: всё сразу встанет на свои места. По крайней мере, отпадёт масса глупых вопросов.

– Я – человек, – не без гордости заявил парень и с какой-то особой торжественностью поправил съехавшие очки. – И ро-

дители мои тоже люди. И тоже физики, как я.

– Хм-м-м-м... – протянула я и забила в графу раса "человек", а в графе магическая школа вместо традиционного для людей прочерка указала: "потомственный физик".

– Хотите знать ещё какую-нибудь несусветную дичь?

– Уточню всего пару безобидных нюансов, – лучезарно улыбнулась я, прикидывая, как лучше подготовить новенького к встрече с директрисой.

– Спрашивайте, – Антон тоже улыбнулся. – Я весь ваш.

– У вас есть аллергия на драконью чешую?

ГЛАВА 3. Об условиях и не только

Несмотря на все опасения, до вызова скорой дело не дошло: обошлись нашатырём, водой и стопкой оздоровительного коньяка. Правда, когда Антон узрел нашу медсестру, снова поплыл. Знамо дело, она же Медуза! Не белёсая соплеобразная обитательница морских глубин, а змееволосая женщина, способная взглядом превратить в камень любого. Именно поэтому мы ей на восьмое марта солнцезащитные очки подарили. Хорошие, дорогие. Немецкие, кажется. Всем коллективом сбросились – это куда проще, чем всякий раз каменеть.

– Ж-ж-ж-жить будет, – прошипела Медуза, ловко орудуя тонометром. – Но летать не сможет неделю как минимум: с крыльями явно что-то не то.

Антон медленно моргнул. Вид у парня был не ахти: физик побледнел до синевы, лоб взмок от испарины, губы заметно дрожали и слышно было, как зубы стучат: клац-клац-клац-клац.

– Антон Сергеевич... – Я опустила перед его стулом на корточки и взяла за руку. – Я всё понимаю, у вас шок, и это вполне объяснимо, но...

– Объяснимо? – перебил он меня и резко выпрямился. – Что именно объяснимо? На меня только что накричал дра-

кон! Это нормально вообще?

– Абс-с-с-солютно ненормально! – встрепелась Медуза, и змеи на её голове злоеще зашипели. – Драконы – народ сдержанный и тактичный. А тот, что на вас кричал – не дракон вовсе. А оборотень. А они, как известно, те ещё с-с-с-самодуры. При этом, чем выше должность – тем они дурнее.

Я кивнула. Сложно не согласиться со столь глубокомысленным умозаключением. Молодец, Медуза!

Антон обречённо взглянул на медсестру, и на миг показалось, будто он снова лишится чувств. Однако этого не произошло.

– Нинель... – прошептал физик с несчастным видом. – А вы... тоже оборотень? Или, может, дракон?

– Нет, что вы, – я ободрила его улыбкой. – Я – человек. Самый, что ни на есть, обычный человек.

– Во всех девяти поколениях? – с тревогой уточнил новенький.

– Во всех. А теперь, если не возражаете, давайте ещё разок сверим данные.

На самом деле сверки не требовалось: всю необходимую информацию я благополучно извлекла из копии паспорта, диплома о высшем образовании, корочки кандидата физико-математических наук, многочисленных сертификатов КПК, страхового полиса, пенсионного удостоверения и справки об отсутствии судимости.

Антон Сергеевич Громов, двадцати восьми лет. Человек в

девяти поколениях. Потомственный физик. Кандидат наук. Не судим. Не женат. Хронических болезней не имеет. Попал к нам на замену по распределению, но, похоже, надолго не задержится. Хотя... Кто знает? Я вот тоже думала, что дольше полугода не протяну, а в итоге ЗГУ стал для меня вторым домом.

Или тюрьмой?

Антон послушно рассказал о себе и в процессе – как и предполагалось – немного пришёл в себя. Хотя руки его всё ещё дрожали: он чуть не уронил чашку мятного чая, который я специально заварила для успокоения.

– Спасибо вам, Нинель, – сказал он. – За чай, за барбариску, за поддержку и душевное тепло. А теперь скажите – когда лучше всего подать заявление по собственному? До того, как этот ваш драконооборотень примется жечь деревни и жрать девственниц, или сразу после?

Я аж вздрогнула. Э, нет! Не так быстро! Нам метафизик позарез нужен, а найти их сложнее, чем летом снег. К тому же, большинство – седые старцы, работать с которыми ох как непросто! А этот – молодой, ещё совсем не лысый и даже местами симпатичный, хоть и нерд... Так что стоп, машина. Никаких увольнений в моё дежурство!

– Антон Сергеевич, не порите горячку, – мурлыкнула я. – Вы только прибыли, ничего здесь не знаете...

– Я знаю, что ваш декан – дракон!

– Во-первых, не дракон, а оборотень, – уточнила я. – Во-

вторых, не декан, а директриса. Ну а в-третьих... Мегера Душегубовна орёт на всех без исключения. Постоянно. И в выражениях себя не ограничивает. Такой уж у неё стиль руководства, но это не должно вас смущать.

– Полагаете? – Антон вскинул бровь.

– Уверена на все сто! – бодро солгала я. – К тому же, здешние бонусы компенсируют всё с лихвой. Только представьте: стимулирующие надбавки, квартальные премии, тринадцатая зарплата в размере оклада, да ещё плюс эффективный контракт [1]! И не забывайте про КЗС. Такое только здесь у нас имеется. Больше нигде не найдёте!

– Что ещё за КЗС? – показалось, или во взгляде новобранца промелькнул интерес?

– Корпоративное замедление старения! – гордо сообщила я. – Слыхали про такое?

Антон мотнул головой, и я разыграла главный козырь.

– Как вы думаете, сколько мне лет?

Он прищурился, внимательно всматриваясь в моё лицо.

– Двадцать пять? – предположил без особой уверенности.

– Двадцать шесть? С половиной?

– Примерно столько мне сравнялось, когда я сюда устроилась, – кивнула я. – А потом возраст исчез.

– То есть как, исчез?

– А вот так, – я хлопнула в ладоши. – Исчез и всё. Время замерло. Все, кого подключают к корпоративной программе – практически не стареют.

– Практически? – спросил он тоном зануды-заклёпочника. – Или не стареют?

– Если останетесь, познакомлю с нашим профессором словоплетения, – пообещала я. – Ему давно за тысячу перевалило, а он как огурчик! Очень интересная личность. Бывший волхв с Ладоги. Лично Рюрика знал.

Антон покачал головой и хмыкнул. Не верит, поняла я. Думает, мы все тут психи. И, возможно, он не так уж далёк от истины. А Мегеру Душегубовну, наверное, вовсе за глюк принял...

Парень сосредоточенно нахмурился, погружаясь глубоко в свои мысли и замолчал на целую вечность. А когда я уже отчаялась получить ответ, протянул руку.

– Согласен.

– Что? – брякнула я от неожиданности.

– Согласен остаться, – прояснил он и, чуть подавшись вперёд, добавил: – Но при одном условии.

Я небрежно отмахнулась:

– Не волнуйтесь! К Замедлению старения подключают всех без исключения штатных сотрудников, даже тех, кто на замене, так что...

– Не это, – перебил Антон. – У меня другое условие.

– Да? – удивилась я. – Какое?

– Я останусь, если с сегодняшнего дня мы с вами окончательно и бесповоротно перейдём на "ты", уважаемая Нинель, – выдал он и крепко сжал мою ладонь.

1. Эффективный контракт предполагает дополнительные надбавки за научные, учебно-методические, организационные и прочие достижения.

ГЛАВА 4. Оформление по ТК плюс соцпакет

– Всего в ЗГУ четыре факультета, – вещала я тоном опытного экскурсовода, а Антон шёл следом и озирался по сторонам, разинув рот от изумления. Типичная реакция: открытые галереи, колоннады, просторные холлы с расписными потолками, лепнина, позолота и широкие мраморные лестницы впечатлили бы даже особу королевских кровей, что уж говорить о физике из Томска. Таков он, наш Центральный корпус – весь на пафосе. А вот в учебных зданиях иной раз такая ветхость, что стыдно: ремонт третий век закончить не могут! – Факультет Травничества и Алхимии считается самым востребованным: под него выделено два корпуса, шесть лабораторий и наш знаменитый аптекарский сад, где выращивают редкие и опасные растения.

– Это какие же?

– Ну, про мандрагору, думаю, слышали все. А вот гипноцвет, мухоглот и призрачная ряска – другое дело. Гипноцвет одурманивает всякого, кто коснётся его лепестков, мухоглот может откусить пальцы, а ряска... Она невидимая.

– Впечатляет, – присвистнул Антон, а я продолжила.

– Прикладные некроманты – факультет с особой атмосфе-

рой. Случайных людей они к себе не зачисляют, всегда проводят строжайший отбор: тесты на профпригодность, собеседования, конкурсы. У некромантов старый корпус на отшибе, в тупике Вечного Октября, но это всех устраивает: там полным-полно материала для исследований – призраки, привидения и прочий полтергейст. К тому же, под тренировочное кладбище Которектор целых три гектара выделил. Так что некромантам грех жаловаться.

– Понятно, – неопределённо отозвался мой протеже.

– А ещё у нас есть АД – факультет Артефакторики и документоведения. Его частенько недооценивают: туда всегда недобор. – Я свернула к лестнице, и мы преодолели три пролёта по широким, устланым ковровой дорожкой ступеням. – Иной раз доходит до того, что мы туда мёртвых зачисляем.

– Мёртвых? В смысле – покойников?

– Ну да. А что такого? Набор – не шутки. Чтобы места закрыть, и не на такое пойдёшь.

Антон неопределённо качнул головой и, кажется, ругнулся.

– Но, как по мне, это ужасная несправедливость по отношению к факультету! – продолжила я. – В АДу прекрасный архив и библиотека, в которой хранятся такие фолианты, ахнешь! Про Некрономикон слышал? Вот. А уж про артефакты я вообще молчу. Копьё Атиллы, мел Тамерлана, чаша из черепа князя Святослава... Ох! Всего не перечислишь! И сплошь подлинники! А ещё ребята каждый год ездят на

раскопки.

– Круто! – Антон весьма убедительно изображал заинтересованность. – А четвёртый факультет?

– Это факультет Колдовства и чародейства, к которому мы с тобой непосредственно относимся, – сказала, минуя центральную галерею, где тут и там белели гипсовые изваяния. – Возглавляет его Мегера Душегубовна Волк, наша многоуважаемая директриса. С ней ты уже познакомился.

– Да, уж... – буркнул Антон, залипая на затейную скульптурную композицию: Пенелопа, разрывающая пасть Одиссею. Наш штатный скульптор – жуткий хулиган. К счастью, Которектор совершенно не разбирается в греческой мифологии. – А почему она не декан, а директор?

– Понятия не имею, – пожала я плечами, бодро шагая в сторону Отдела Кадров. – Раз в два года названия меняют: с деканов на директоров, и наоборот. А почему – никто толком не знает. Вот мы и на месте.

– Мне сюда? – уточнил Антон, кивнув на нарядную дверь с табличкой "Вещий О.Г. Начальник Отдела Кадров".

– Ни в коем случае! – пришлось схватить новобранца за руку, чтобы он не додумался постучать. – Олега Геннадьевича нельзя беспокоить по пустякам. Тебя оформит его замша, Арахнида Тарантуловна. Только я с тобой пойду, а то не дай Бог опять в обморок грохнешься.

– Арахнида Тарантуловна, можно? – осторожно спросила я, сунувшись в приоткрытую дверь. – Я к вам новенького

привела.

– Метафизика? – сурово спросила тучная замша, не отрываясь от бумаг. Она была настоящим виртуозом кадровой работы: знала всё и обо всех. – Давай его сюда. Оформим в лучшем виде.

Я подтолкнула Антона вперёд.

– Здра... – начал он и запнулся. Замер истуканом. Побледнел и выдавил: – с-сьте...

– Здрасьте-мордасти, – буркнула Арахнида Тарантуловна и протянула к нему одну из восьми своих лап. – Ты всегда такой красноречивый?

– Я-я-я... – выдавил парень. – Я-я-я...

– Давай сюда папку, чего обмер! – скомандовала кадровичка, а другие её руки уже шустрили на полках, перебирая размещённые в алфавитном порядке дела. – Громов... Громов... Фамилия грозная, а сам малахольный!

Антон вспыхнул. Я уже подметила, что он частенько краснеет. Интересно, от чего это зависит? Возможно, какая-то генетическая предрасположенность...

– Я не малахольный! – заявил он, и я дёрнулась. Почему-то совершенно не ожидала от него такого взбрыка. – И меня возмущает подобное отношение! С какой такой стати вы меня оскорбляете? Сначала там, теперь тут... Безобразие!

Он набычился и выступил вперёд. Однако! Я-то думала, Антон человек мягкий, тихий и не особо конфликтный. В общем, типичный ботаник. А тут такой поворот. Интересно!

Арахнида Тарантуловна застыла, недоумённо уставившись на новобранца. Одна из многочисленных ладоней разжалась, и папка с тихим "плюх" шлёпнулась на пол. Я бросилась поднимать документы. Не знаю, что там Антон себе удумал, а мне здесь ещё работать. Ну, по крайней мере, ближайшие полгода точно, пока аккредитацию не пройдем. К тому же, портить отношения с Отделом Кадров додумается только законченный имбецил.

– Лукьянова! – паучиха выхватила бумаги из моих рук. – Ты где такого дерзкого откопала?

– Он к нам на замену приехал, – сообщила я. – Из Томска.

– А-а-а! – протянула Арахнида, и румяное лицо её озарилось улыбкой. – Ну, тогда всё ясно. Характер сибирский сразу видать, это тебе не Москва всякая. Что ж, добро пожаловать в команду, земляк!

Метафизик удивлённо уставился на неё.

– Я из Красноярска, – пояснила паучиха и, подмигнув, добавила: – Всё лучшее в мире сделано в Сибири!

– С этим не поспоришь, – согласился Антон и улыбнулся. Добродушно и на редкость обаятельно.

Похоже, не такой уж нерд этот физик. Ну, то есть, метафизик.

– Что, даже не спросишь, откуда у меня столько рук? – Арахнида Тарантуловна лукаво вскинула бровь.

– Предполагаю, со временем всё прояснится само собой, – пожал плечами новобранец, и кадровичка хмыкнула, об-

ращаясь уже ко мне.

– А парень-то не промах. С начальством виделся уже?

– Виделся.

– И?

Я бросила взгляд на Антона, прикидывая, как бы ответить так, чтобы никоим образом не принизить его достоинство.

– Антон Сергеевич был слегка обескуражен пламенным приёмом, – подыскала, наконец, нужный эпитет.

– Обескуражен, значит, – фыркнула Арахнида Тарантуловна. Две её руки стремительно набирали что-то на клавиатуре, третья рылась в сейфе, четвёртая и пятая ставили на документах размашистые автографы, а остальные с бешеной скоростью заверяли копии разнокалиберными печатями. – Хорошо, если так. Обычно от её вида люди в обморок падают.

Антон выразительно посмотрел на меня. Я ответила едва заметной полуулыбкой.

– Что ж, поздравляю вас, Антон Сергеевич! – паучиха с торжественным видом протянула новобранцу синюю корочку. – Вот ваш пропуск. Теперь вы полноправный член нашего замечательного дружного коллектива. Уже завтра вас подключат к программе Замедления Старения, а сегодня до пяти надо успеть оформиться в Каке.

– Где?!

– В корпоративном комплексе, – спешно разъяснила я. Аббревиатуру "КК" каждый коверкал на свой лад, однако ча-

ще всего выходила чудесным образом склоняемая "КаКа". – ЗГУ предоставляет жильё иногородним сотрудникам.

– А-а-а... – протянул Антон, засовывая пропуск во внутренний карман. – Очередной местный бонус?

Я кивнула.

– Проводишь?

– Разумеется.

– Только поторопитесь, – напутствовала Арахнида, вскинув три руки. На каждом запястье красовались часы, причём все показывали разное время. – Комендант комплекса – настоящий зверь. Опоздаете хоть на минуту – ночевать придётся на улице.

ГЛАВА 5. Запредельный трансфер

Если обойти Центральный корпус с юга, можно пролезть через пространственную щель во внутренний двор. А оттуда до Корпоративного комплекса рукой подать. Особенно, если срезать по тренировочному кладбищу Прикладных некромантов.

В этом направлении я и дёрнула, едва мы покинули обитель наших начальников-небожителей.

– Постой! – Антон схватил меня за руку. – Мне на вокзал надо.

– Куда? – пришлось притормозить. – На вокзал? Зачем это ещё?

– Я там вещи свои оставил.

– Какие ещё вещи? – нахмурилась я.

– Обычные! – Метафизик поправил очки. Он явно вымотался: вид у него был неважный: лицо осунулось, под глазами залегли круги, а морщины на лбу обозначились резче. – Чемодан, а в нём одежда. Джинсы, свитер, носки и... ещё кое-что. Или, может, ЗГУ и бельё сотрудникам предоставляет?

– Предоставит, если возникнет нужда. – Я посмотрела на часы. До пяти оставалось почти два часа, а до вокзала – около десяти километров. И это только в одну сторону! Кошмар кошмарский. Хотя... всё решается. Особенно когда ты – сек-

ретарь директора.

Я поглядела на Антона.

– Тебе действительно так нужны те свитера с носками?

Физик уверенно кивнул.

– Ладно, – выдохнула я и внимательно поглядела на своего подопечного. – Ты высоты боишься?

– Не забывайте о правилах безопасности, – напомнил инструктор, выдавая нам шлемы. Инструктора звали Русланом, его жену – Людмилой, и она считалась лучшим мастером по маникюру во всём кампусе. Ну а я была её постоянной клиенткой, так что проблем со ступами не возникло. Да-да, всё в нашем мире решают связи. И ноготочки. – Никаких резких движений, прыжков и пируэтов. Подниматься выше тридцати метров запрещено. Разгоняться быстрее сорока километров в час – тоже. Заклятье движения произносится не позднее тридцати секунд после подъёма. Управление стандартное двухвзмаховое: метла справа – поворот налево, метла слева – поворот направо. Заклятье торможения размещено на внутренней стороне ступы прямо перед вами. Всё понятно?

– Да!

– Нет!

Выпалили мы в один голос.

Инструктор смухордился. Посмотрел на меня, на Антона, потом снова на меня и сказал:

– Ну, раз всё понятно, жду вас через час. Сдадите ступы, заберёте паспорта.

Он ушёл, а новобранец уставился на меня квадратными глазами.

– Я не полечу!

– Тебе же нужны твои чемоданы, разве нет? – бросила я, застёгивая шлем.

– Нужны, но я не полечу, – Антон вцепился в края ступы. – Это... Это противоречит законам физики! Это невозможно! Нина! Оно не взлетит!

– Не надо так драматизировать, – мягко проговорила я, и командным тоном отчеканила: – Земля, прощай!

Да-да, именно так. "Земля, прощай". Многим заветная фраза известна по старому доброму мульту, но мало кто знает, что она – самое настоящее заклинание!

Приоткрыв рот и вскинув брови, Антон наблюдал, как моя ступа отрывается от земли и висит в метре над его головой.

– Так не бывает... – пробормотал новобранец. – Как такое возможно?

– Не попробуешь, не узнаешь, – глубокомысленно изрекла я и пожала плечами. – Ну что? Готов пойти на риск ради носков и свитера?

– Ради носков – нет, – Антон поплевал на ладони и схватился за метлу. – А вот ради науки... Земля! Прощай!

"В добрый путь!" – мы сказали уже хором.

Мы летели над черепичными крышами, утопающими в майской зелени парками и яблоневыми садами. Дети, завидев нас, махали руками и приставали к родителям: "Тоже хочучу!", а взрослые, обременённые заботами, не замечали нас вовсе – подумаешь, летающие ступы! Здесь, в Запределье, и не такое видывали.

Антон пребывал в полном восторге: полёт явно превзошёл все его ожидания. Новобранец достаточно быстро наловчился управляться с метлой и не отставал ни на йоту. Лёгкий, наполненный ароматом акаций ветерок трепал его каштановые волосы, глаза горели азартом, а руки уверенно и крепко сжимали длинный кривоватый черенок.

– Круто! – восклицал метафизик на особо лихих виражах.
– Невероятно! Нереально!

Острроверхие башни Центрального корпуса остались позади, и я оглянулась, прикидывая, успеем ли мы вернуться. Лучи заходящего солнца окрасили стены академии каким-то совершенно неопишуемым сочетанием розового, сиреневого, оранжевого и золотого. Казалось, будто здание светится изнутри. Удивительное зрелище: старинный замок, окутанный волшебным сиянием...

Вот бы никогда туда не возвращаться!

Да, такие мысли посещали меня с завидным постоянством. При всём внешнем лоске, ЗГУ им. ЗГУ стремительно гнил изнутри, всё глубже погружаясь в болото рутины,

бессмысленной бумажной волокиты, пустой бравады и на-
тужного пафоса. Я прекрасно понимала это, но... Бесплатная
корпоративная квартира, замедление старения, молодиль-
ные яблоки на Новый год от профсоюза...

Эх! Где ещё найду я такие шикарные условия? Да и есть
ли смысл искать?

К тому же, кто меня отпустит? Узнай Мегера о моих по-
мыслах, всё – пиши пропало. Со свету сживёт! Столько иди-
отских задач нарежет, что придётся дневать и ночевать в кор-
пусе, и о таких приятных мелочах, как возможность уйти на
часок пораньше или взять отгул можно будет смело забыть.
Уж я-то знаю...

Бр-р-р... Кошмар кошмарский!

От мысли, что директриса пронюхает о планах сменить
место, мурашки бежали по коже. А ведь я даже резюме со-
ставила. Осталось только набраться смелости и отправить
его хоть куда-нибудь А уж потом...

– Вокзал прямо по курсу! – крикнул Антон, жадно загре-
бая помелом душистый майский воздух. – Где садиться бу-
дем?

– Вон там, на парковке, – я мотнула головой в сторону
просторной, расчерченной белыми линиями площадки, на
которой сиротливо дожидались хозяев несколько вполне се-
бе современных автомобилей, гнедой жеребец в золочёной
сбруе, беговая черепаха и безлошадная карета на магиче-
ском ходу.

В общем, для полноты картины как раз парочки ступ не хватало.

– Приземляемся? – уточнил Антон, зависая над свободным местом.

– Да, – кивнула я, громко продекламировала спецзаклятье, и ступа начала стремительно терять высоту.

ГЛАВА 6. Вокзал для троих

– Номер семнадцать? – скрипучим голосом уточнила смотрительница камер хранения. Старушке давно перевалило за сотню реальных лет, она была подслеповата, почти ничего не слышала и передвигалась с большим трудом. Однако это не помешало ей стать сотрудником месяца: портрет висел на стенде аккуратно за согбенной спиной.

– Восемнадцать! – проорал Антон незнамо в какой раз. – Во-сем-на-дцать!!!

– А? Семнадцать?

– Восемнадцать!

Бабуля закивала и принялась перебирать скрюченными пальцами номерки, а спустя вечность протянула нам семнадцатый.

Антон шумно выдохнул и воздел глаза к куполообразному потолку вокзала. Сверху на него глядели херувимы, нимфы и задумчивый сатир в кепке вагонновожатого. Да-да, здешние залы тоже оформлял наш штатный художник. Подкалымил, так сказать.

– Мой номер восемнадцать! – прорычал новобранец, рисуя пальцем на столешнице невидимые цифры. – Восемнадцать! Вот!

– Что вы так кричите, молодой человек? – проворчала ста-

рушка. – Я не глухая. Вот он ваш номер. Предъявите его в пятом окне и вам выдадут вещи.

– А где пятое окно?

– А во-о-он там, – смотрительница указала узловатым трясущимся пальцем в противоположный конец зала. – Сразу за терминалами. Между сто первым и девятнадцатым.

– Господи, ну что за бред! – выцедил Антон, схватил номерок и широким шагом двинул в указанном направлении.

"На первый путь пребывает поезд двести двадцать девять Орешек-Опочка, – объявила диспетчерша, и гнусавый голос эхом отразился от расписных стен. – Нумерация чётных вагонов с хвоста поезда. Нечётных – с головы. Будьте внимательны и осторожны. Повторяю...".

– Эй! Подожди! – я поспешила следом. Ух! Дались ему эти треклятые чемоданы!

Однако догнать Антона оказалось сложнее, чем я думала: партия приезжих заполнила вокзал, и протолкнуться к терминалу сквозь плотный поток людей и нелюдей фактически не представлялось возможным. На какой-то миг я потеряла новобранца из виду.

"Удрал!" – мелькнуло в голове, и я похолодела. Кошмар кошмарский! Если кафедра останется без метафизика в конце года, да ещё и накануне проверки – не сносить мне головы! Мегера не случайно надзор в моём лице к нему приставила. Сказала: "Лучше перебдеть, чем недобдеть". И, чёрт побери, так и есть!

– Дались ему эти чемоданы, – бухтела я, продираясь через толпу. – Одну ночь мог бы и без трусов обойтись!

Да, прикид новенького – что-то с чем-то: порядком выцветшая, застиранная красная футболка с Пикачу под Че Гевару, линялые джинсы и кеды. В такой одежде до занятий не допустят. Но это ничего: закутали бы его в профессорский балахон, и дело с концом. А спать и без исподнего можно. Так нет же! Приспичило ему тащиться в такую даль за проклятушим багажом!

Однако едва удалось протиснуться к нужному окошку, я поняла: тащиться стоило.

Антон успел получить свои баулы и из одного чемодана извлёк...

– Это что же? – Я подошла ближе, не веря глазам. – Котёнок?

– Ну, точно не чапаевец с пулемётом, – хмыкнул новобранец и почесал серополосатого зверя за ухом. Зверь заурчал.

– В Петрозаводске подобрал, – пояснил Антон, – мы там почти два часа простояли. А эта любопытная морда... – Антон кивнул на мурчащий комочек и хмыкнул. – Подобрался к платформе да на рельсы ухнулся. Пришлось спасать.

– Ясно, – кивнула я. Когда-то давно, до знакомства с первым Которектором, я тоже любила кошек. Ну, обычных таких. Домашних. Тех, которые не носят шляпы и пальто, ничего не согласовывают, не дают распоряжений и не приезжают с проверками в самый неожиданный момент. – А зачем

ты его в чемодан запихнул?

– Так ведь нельзя с котами, – пожал плечами Антон и вскинул чемодан к моему носу. – Смотри, я дырки штопором просверлил. Для циркуляции воздуха.

– Впечатляет, – сказала я, ухватила физика за запястье и развернулась к выходу. – А теперь бежим!

– Куда? – наличие кота и кипы баулов превратили резвого новобранца в неповоротливого увальня. Антон пытался половчее перехватить ношу, но ничего не выходило: сумки валились из рук, а котёнок, ошалело мяукая, высвободился, взобрался физику на голову и зафиксировал своё шаткое положение при помощи крохотных, но вполне себе острых коготков. – А-а-й! Ёшкин кот!

– Дорогу! Дорогу! – кричала я. Мчаться через толпу, таща на буксире парня с котом на башке – дело изначально не самое простое, а тут ещё как назло про повязочный режим вспомнили. Ироды!

– Внимание! Внимание! – прогнусавила диспетчер. – В связи с повышенной демонической активностью и с целью предотвращения распространения одержимости, просим всех надеть повязки на глаза! Ёмкости со святой водой для самоокропления находятся у терминалов! Будьте бдительны и соблюдайте благословенную дистанцию!

О какой дистанции могла идти речь в такой толчее – оставалось загадкой. А вот за отсутствие повязки могли нехило штрафануть. Хорошо, что помимо собственной, я всегда

имела с собой запас. Так, чисто на всякий случай. Штук десять, не больше.

– На! – протянула Антону узкий отрез плотной чёрной материи. – Повязывай!

– Ты что? Издеваешься?

– Повязывай, говорю, или оштрафуют! – движением подбородка я указала в сторону патрульных.

Физик застопорился.

– Да они сами в повязках... – пробормотал, сморщив лоб.
– Как они нас увидят-то?

Я закрыла глаза и шумно выдохнула.

– Это Запределье. Здесь, чтобы кого-то оштрафовать, глаза не нужны – нужен только повод!

Я, Антон и все, кто находился в здании вокзала, натянули повязки на глаза. Перед тем, как лишиться себя зрения, я запомнила, что выход – строго на севере, и если идти к нему по прямой, потребуется обогнуть бродячий ларёк и поющий фонтан.

– Пошли, – скомандовала я, схватила кое-как приспособившего повязку прямо поверх очков физика за руку и уверенным шагом двинулась туда, куда вело чутьё.

На ларёк мы наткнулись через двадцать шагов. Волшебная избушка деликатно предложила приобрести сканворды и беспроигрышный лотерейный билет, мы так же деликатно отказались и продолжили путь. Фонтан громко выводил: "То-о-олько-о-о рюмка водки на столе-е-е-е", и Антон тор-

мознул, видимо заслушавшись.

– Обалдеть! – сказал физик. – Это взаправду фонтан поёт? Интересно, что за технология...

– Сам ты технология, – обиженно ответил фонтан и обдал нас струёй ледяной воды.

Стоит ли говорить, что когда мы, наконец, выбрались к парковке, время неумолимо приближалось к точке невозврата. Однако самое худшее ожидало впереди...

ГЛАВА 7. Опозданием мы наказаны [1]

– Нет, – отрезал Тигорь Юрьевич, которого все звали просто Юрич, и сложил на груди мощные волосатые руки-лапы. Полосатый хвост его нервно поддёргивался. – Не дозволено. Вы опоздали на три с половиной минуты. Корпус закрыт. Приходите завтра.

– Ну, Тигорь Юрьевич, миленький, ну очень вас прошу! – взмолилась я, в большей степени обеспокоенная провалом поставленной задачи, нежели благополучием нового сотрудника. – Это же наш новый метафизик! Ему и идти-то некуда, и кота кормить нечем, и...

– Я сказал – НЕТ! – грубо оборвал меня суровый комендант и повёл мохнатым ухом. – Опоздунам у нас не место!

– Но... – начала я, однако меня снова перебили. На этот раз – Антон.

– Послушайте, любезный, – обратился новобранец к Юричу. Даже если физик испугался тигроподобного облика сурового коменданта, то виду не подал. Молодец! – Наше опоздание – результат форсмажора.

– Да ну? – прорычал комендант и, набычившись, упёр руки в бока.

– Ну да! – отвечал Антон и принялся объяснять: – Нам пришлось лететь на ступах за котом в чемодане.

Взгляд коменданта опасно потемнел.

– Знаю, это звучит немного странно, но тем не менее...

– Скажите, вы – идиот?

Антон явно обалдел от вопроса. Однако Юрич задал его таким тоном, что вместо бурных возмущений физик, проморгавшись, серьёзно отвечал:

– Нет.

– А справка у вас есть?

– К-какая справка? – запинаясь, выдавил Антон. – Что я не идиот?

Полосатый хвост коменданта вспушился, а шерсть на загривке встала дыбом.

Плохой знак!

– Справка о заселении.

– Вот! – встряла я, шагнув наперерез. – Всё в этой папке. Смотрите: копии, справки, распоряжения и даже прививочный сертификат. Всё здесь.

– Хм-м-м... – Юрич задумчиво потёр подбородок, перебирая бумажки. – А экспресс тест на одержимость где?

Я была готова к такому повороту.

– Согласно постановлению Которектора номер триста тридцать семь от пятнадцатого мая, сертификат о прививках освобождает от обязательства делать тест на одержимость, – сказала я и извлекла из заветной папки копию подтвержда-

ющего документа.

Тигорь Юрьевич похоже, только этого и ждал. Он усмехнулся в усы, вытащил из кармана сложенную вчетверо бумажонку и, вручив мне, изрёк:

– Согласно постановлению триста тридцать семь дробь один штрих плюс, от теста на одержимость освобождаются исключительно штатные сотрудники.

– Он штатный! – возопила я, закипая. – Арахнида Тарантуловна оформила его сегодня! Вот копия копии подтверждения о зачислении в штат!

– Да, – комендант изобразил улыбку чеширского кота, – но сертификат, освобождающий от теста, получен за сутки до зачисления гражданина Громова в штат. Так что, всего доброго! – гад развёл руки и выпучил глаза. – Приходите завтра.

Кошмар кошмарский! Похоже, усатый-полосатый меня переиграл и уничтожил. Что же делать? Звонить Мегере? Она-то всё разрулит, вопросов нет: одно её слово, и Анто-на вселят. Но... При этом я останусь виноватой по самые уши. Возникшая проблема официально станет моим косяком, очередным поводом попрекать, оскорблять и обвинять в некомпетентности.

Нет уж!

Я решила разыграть последний козырь.

– Мы не уйдём, – сказала так твёрдо, что Юрич даже ухмыляться перестал. – В соответствии с нормативом две ты-

сдачи сто девять штрих плюс-плюс один двенадцать, любой штатный сотрудник, обладающий жилплощадью в Корпоративном Комплексе, имеет право раз в пять с половиной лет приглашать гостя. И я этой привилегией ни разу не пользовалась. Так что Антон Сергеевич сегодня останется у меня. Причём, на вполне себе законных основаниях!

Антон, казалось, удивился не меньше коменданта.

– А это... удобно? – спросил он, и колючие щёки тронул лёгкий румянец.

– Вполне, – ответила я, бросив на Юрича победный взгляд. – Бери кота. Пошли домой.

Моя квартира находилась на самом верху и, по сути, представляла собой переоборудованный чердак, что в условиях волшебного мира само по себе чревато: безлунными ночами частенько скрипели половицы, раздавался лязг, звон, храп и даже хрюканье. Я привыкла. Ведь это всего лишь Петрович – местный полтергейст-пенсионер. Чердак с незапамятных времён считался его надёжным убежищем. Петрович не умел говорить, только выл да постанывал иногда. А жаль: я бы с радостью послушала, кто он, откуда, и как его угораздило оказаться на чердаке нашей Каки.

– Располагайся, – сказала я Антону и раскрыла окно. Вечерний майский дух колыхнул занавески, и в комнате запахло черёмухой. – Сумки пока в угол брось, потом разберёмся.

– Угу, – отозвался физик, но залип в импровизированной

прихожей дольше, чем требовалось. – Слушай, а зачем тебе вилы и факел?

– Обязательное требование безопасности. – Я переместилась к холодильнику, дребезжащему допотопному гиганту с облупившейся надписью "Саратов" на дверце. – На случай зомби-апокалипсиса.

– А-а-а... – протянул Антон. Котёнка он сунул за пазуху, и тот присмирел. – И как только я сам не догадался.

Я тяжело вздохнула, созерцая пустые полки старенького "Саратова". Да, уж! Хороша хозяйка! Кроме кетчупа и глазных капель – ни-че-го. Что поделать: гостей я не ждала, а с моей работой особо не до разносолов. Завтракала я пустым чаем, обедала в студенческой столовой, а на ужин покупала "готовую порцию" в магазинчике у дома.

Эх...

Антон заглянул в холодильник через моё плечо.

– Не переживай, – сказал он и опустил шерстяного найдёныша на пол. Кот растерянно мяукнул. – У меня всё есть.

Новобранец вытащил на середину комнаты один из своих баулов, раскрыл и продемонстрировал банку шпрот.

– Вот. Пища богов! Мечта гурманов! – за консервами появились варёные яйца, пара пачек доширака, халва и полбатона. – Сплошные изыски.

Я не сумела сдержать улыбки. Душевно, однако!

– И, самое главное... – он выдержал театральную паузу и движением матёрого фокусника извлёк на свет божий

пластиковую полторашку тёмно-бордовой жидкости без каких-либо опознавательных знаков. – Домашнее вино!

– Обстоятельно, – заметила я, оглядывая плацкартные деликатесы. – Курицы в фольге не хватает.

– Курицу я съел, – признался Антон. – Но всё остальное к вашим услугам, миледи.

Стол мы накрыли вдвоём. Я нарезала батон и заварила ролтон, Антон открыл шпроты и разлил вино по кружкам. Да-да, по кружкам: последний приличный фужер я расколотила неделю назад, когда протирала пыль на полках. Поэтому единственным вариантом осталась чайная посуда, ассортимент которой не отличался разнообразием: себе я взяла покоцанную белую чашку с олимпийским медвежонком, а гостю выделила синюю с пугающей надписью "ЗГУ – ваш выбор сегодня и навсегда". Когда-то я утащила её из приёмной комиссии.

– Предлагаю тост, – Антон поднял кружку. – За самую отзывчивую, терпеливую и внимательную девушку во всём... как это место называется?

– Запределье, – подсказала я.

– Во всём Запределье!

Мы чокнулись, выпили и принялись за еду. Горячая лапша аппетитно воняла химозным крабом, батон пропитался маслом от шпрот, а яйца, сдобренные солью, оказались выше всяческих похвал.

Не ужин – сказка! Про котёнка мы тоже не забыли: зверь получил водичку и шпротинку. Вообще я не в курсе, едят ли обычные коты шпроты, но других вариантов просто не имелось: халва бы точно ему не понравилась. Хотя... как знать.

– Уже решил, как его назовёшь?

– Умгу, – кивнул Антон, закусывая яйцо бутербродом. – Олегом.

1 слова из песни ВИА Песняры "За полчаса до весны" 1976 года.

ГЛАВА 8. Работа не волк

– Кто не сдал? – рыкнула Мегера, глядя в отчёт. Она по-прежнему оставалась драконом, и ничего хорошего это не предвещало: никогда ещё шефиня не пребывала так долго в столь опасном облике. – Кто не выслал программы в срок? Ну же! Отвечай!

Я тяжело вздохнула. Мегера имела полное право гневаться: из шестисот шестидесяти шести рабочих программ готово было только сто семьдесят четыре. Причем пятьдесят оформлены через... в общем, с нарушением тактических нормативов. Эх... Сдавать коллег не хотелось вовсе, но я слишком хорошо знала, что будет, если упрусь: мне попросту поручат составление недостающих программ и сроки поставят такие, что ахнешь.

Помнится, в прошлый раз я писала программы по нумерологии, эзотерике и прикладной хиромантии. Кошмар кошмарский! Поэтому...

– Енисей Симарглович не сдал, – сказала, уставившись в пол. – У него с компьютером не ладится. Одоевская обещала сдать вчера, но так и не прислала и на звонки не отвечает. Наверное, опять в спячку впала. Злорада Церберовна основные выслала, а дополнительные курсы обещала к субботе, ну и вы... тоже не сдали.

– А новенький твой программы сдал?

Один момент в вопросе нехило выбесил.

– Он не мой, Мегера Душегубовна, – я вскинула голову и встретила с драконицей взглядом. – Он общекафедральный.

Директриса фыркнула, выпустив из ноздрей облако пара.

– Пусть так, – сказала она и чуть повернулась, задев при этом книжный шкаф. Фолианты посыпались на пол с глухим грохотом. – Но программы должны быть сданы в срок. Всё остальное меня не волнует.

Я знала, что это неправда, но от комментариев воздержалась.

– Эх, ну вот что ты такая безмозглая? Ничего решить не можешь! – Драконьи зрачки сузились. – Позвони Добронравовой, пусть поможет Енисею Симаргловичу. Если начнет бузить и отказываться – направляй ко мне, я ей живо мозги вправлю. Программы Одоевской доведёшь до ума сама. И не смотри на меня так – там ничего сложного! Подумаешь, парапсихология. Погуглишь и напишешь. Нет ничего невозможного для человека с интеллектом! Мои, кстати, тоже сделай. Мне ими некогда заниматься – я руководство осуществляю. А этому своему метафизику перешли шаблоны и всё популярно разъясни. И чтобы завтра к девяти... нет, к восьми всё было сделано!

– Завтра воскресенье.

Драконница полыхнула огнём.

– Это твои личные проблемы. Иди, работай. И заодно собери всех на заседание к двенадцати. А ещё кофий мне подай. Холодный, но чтобы безо льда! И, кстати, – окликнула она, когда я уже взялась за дверную ручку. – На отпуск в июле можешь не рассчитывать – мне нужен свой человек в приёмной комиссии.

Я стиснула зубы до хруста. Кровь кипела в жилах, а глаза щипало от подступивших слёз, но я сдержалась. Нет. Не буду закатывать истерик. Мегера не увидит моей слабости. Никогда.

Мысли ввернулись к заветному, оформленному по всем правилам заявлению, которое дожидалось своего часа. Уволюсь. Непременно уволюсь. Вот получим лицензию, и сразу займусь.

По коридору я не шла – летела. Нет, каблуками не цокала. Это только в женских романах и фильмах секретарши на шпильках шкандыбуют. В реальности же нам столько приходится бегать, что мама не горюй: по этажам туда-сюда, между корпусами по тысяче раз за день. Так что ноги лучше беречь. Вот и мчалась я, лёгкой поступью, обутая в удобные белые полуботинки на шнурках. Такие наверняка бы одобрил Форест Гамп [1].

В двести тринадцатой поточной аудитории Енисей Симарглович громко и патетично вещал что-то на древнеарамейском. Я не знала древнеарамейского, но за годы работы научилась отличать его от латыни.

Енисей Симарглович вещал. Студенты спали.

Я аккуратно приоткрыла дверь и шёпотом сообщила магистру о совещании.

– А повестка? – тоже шёпотом спросил он.

Со стороны, наверное, казалось, будто мы боимся потревожить чуткий сон мирно сопящих адептов, ибо ответила я ещё тише:

– Рабочие программы.

– А-а-а... – протянул Енисей Симарглович, удостоил меня прощальным кивком и продолжил баюкать студентов.

В отличие от погружённой в сладкую дрему двести тринадцатой, лаборатория жужжала, точно улей. За учительским столом, схватившись за голову, сидела Злорада Церберовна. Волосы её разлохматились, лицо побледнело. А вокруг плотным кольцом толпились зачарованные массовым приворотом студенты. Они тянули к ведьме зачётки и гудели: "поставьте автоматом, поставьте, поставьте...".

Видимо, Злорада почувствовала моё присутствие. Она вскинул голову, встретила со мной мутным взглядом и прохрипела:

– Нина! Убей меня.

– Этого не потребуется, – радостно возвестила я. – Мегера собирает всех в двенадцать. Она и убьёт.

– Какая вдохновляющая новость, – буркнула ведьма. – А что за повестка?

– Проверка рабочих программ.

Добронравова снова уронила голову на руки, а под потолком лаборатории, гремя и сверкая молниями, заклубилась чёрная грозовая тучка. Она тут же принялась расти, как на дрожжах, угрожая заполнить собой всё пространство, и я поспешила ретироваться: не хватало ещё попасть под кислотный дождь чужой ярости.

Дверь следующего кабинета была распахнута, и я уже на подходе узнала голос лектора.

Антон...

– Рассуждая о корпускулярно-волновом дуализме, – громко и чётко диктовал он, – мы должны принимать во внимание классическую теорию полей. Посмотрите на доску.

До меня донёсся характерный стук мела.

– Видите? – снова стук. – И соответственно... – стук. – Отсюда следует... – стук.

Когда я добралась до аудитории, Антон успел исписать трёхсекционную доску мелким убористым почерком.

– Как видите, всё очевидно, – подытожил новобранец, с гордостью взирая на причудливую вязь формул и схем. Что именно там очевидного никто, кроме него, похоже, не понимал: на лицах студентов читался глубокий, как бездна Челленджера, культурный шок.

– Записывайте, пока я стираю, – выдал Антон и принялся орудовать тряпкой.

– ПОДОЖДИТЕ!!! – завопили адепты, и я поспешила спасти ситуацию.

– Антон Сергеевич, можно вас? – спросила, деликатно замерев на пороге.

– Да, конечно, – он отложил тряпку и отряхнул руки. И только выбравшись в коридор, вырубил режим учителя.

– Привет! Рад тебя видеть.

– Привет, – подобный стиль общения казался непривычным, но вполне себе приятным.

Мне нравилась открытость и доброжелательность новобранца, как нравилось и то, что в нашей дружбе он придерживался определённых границ: никаких подкатов и мутных намёков с его стороны не наблюдалось. Даже когда мы пропускали по бокалу вина под душераздирающие завывания Петровича. Полагаю, Антону просто требовался друг, надёжный товарищ, на которого можно положиться в незнакомом, странном и пугающем мире ЗГУ им. ЗГУ. И я подходила по всем статьям. Наверное, так всё и обстояло, ведь каждый знает, что в любой мало-мальски серьёзной организации важно поддерживать максимально тёплые отношения с секретарями, вахтёрами, охранниками и уборщицами. Это даёт власть над сплетнями, слухами, планами руководства и любой другой значимой информацией. Бонусом идёт возможность выследить любого сотрудника, где бы он ни находился. В общем, дружба со вспомогательным персоналом – одни сплошные плюшки.

– Вижу, ты отлично справляешься, – я кивнула в сторону кабинета. В абсолютной тишине было слышно, как скрипят

по бумаге перья.

Или это скрипят мозги несчастных адептов?

– Ну... это ж физика, – пожал плечами Антон. – Её все любят.

– Не уверена, но спорить не рискну, – улыбнулась я и перешла к делу. – Мегера собирает всех в двенадцать на совещание по поводу программ.

– И... когда их надо сдать?

– Позавчера.

– Круто.

– Не волнуйся, я тебе помогу. А то в наших шаблонах чёрт голову сломит.

– Ты просто чудо, Нинель, – Антон улыбнулся. – С меня шоколадка. И, кстати, что у вас за кипишь такой? К чему такая спешка с программами, отчётами и прочей дребеденью?

– Проверка у нас серьёзная, – вздохнула я. – Говорят, пришлют эксперта откуда-то с самых верхов, и он будет песочить всю нашу контору вдоль и поперёк. Нарушения выявлять.

– Звучит жутко, – нахмурился физик.

– Более чем, – согласилась я.

Как ни крути, ЗГУ – последний магический ВУЗ России. Обидно будет, если прикроют. Но, с другой стороны, я получу вожделенную свободу... Эх, как же всё сложно!

– Ладно, – Антон хлопнул меня по плечу, и на блузке остались меловые следы его пальцев. – Увидимся на совещании.

ГЛАВА 9. Совещание

Разместиться пришлось в актовом зале: нигде больше Мегера Душегубовна в нынешнем своём облике попросту не помещалась. Здесь же она тютелька в тютельку вписалась в размер сцены. Если не считать хвоста и крыльев, разумеется.

– Вот, казалось бы, все вы – профессионалы своего дела, – громко и на редкость ядовито прошипела Мегера, нарочито выделив интонацией "казалось бы". – Доктора, кандидаты, признанные гении, изданные авторы научных трудов...

Большинство собравшихся понурили головы и напряглись в ожидании разноса. Он не заставил себя ждать.

– Так какого же тогда, прости Господи, чёрта, вы, такие стоумовые, не можете справиться с элементарной задачей? – драконий хвост со свистом рассёк воздух. – С элементарной! Неужели так трудно вовремя сдать рабочие программы? Да ещё свои собственные! По своим же предметам! Вы хоть понимаете, что просрачиваете сроки? Абсолютно все сроки просрачиваете! Напрочь!

– Мы сдали программы ещё в начале года, – раздалось откуда-то с галёрки. Все повернули головы. И я тоже повернула, хотя и без этого знала, кто говорит: не опознать этот тягучий бас было просто невозможно.

Кощей Кошеевич Лиходейский. Заведующий кафедрой

теоретической и прикладной некромантии. Доктор наук. Профессор. Мрачный, неразговорчивый и упрямый до жути, он был одним из немногих, кто решался открыто перечить Мегере.

– Лиходейский... – прошипела директриса, выпустив из ноздрей облако пара. – Кощей Кощеевич.

– Он самый, – Некромант вздёрнул массивный квадратный подбородок и вперился в драконицу тяжёлым взглядом. Шефиня прищурилась.

– Если правильно помню, позавчера вас четвертовали и растворили в кислоте, – до омерзения приторно изрекла она. – Вы были мертвы. А теперь – нет. Как прикажете это понимать?

– Отрабатывали оживление в боевых условиях, – Кощей Кощеевич оставался спокойным, как танк. – Всё в соответствии с учебным планом. Можете проверить, если хотите.

– И проверю! – пригрозила драконица. – Проверю, не сомневайтесь. Что же касается рабочих программ...

– Все они были готовы в срок, – Лиходейский сложил на груди руки и нахмурил тёмные брови. Видный мужчина. Пожалуй, самый видный среди некромантов. – Никто не виноват, что Центральный корпус менял шаблоны двенадцать раз.

– Тринадцать, – робко поправил Енисей Симарглович. – Мы переделывали их тринадцать раз. В последний, тринадцатый, руководство потребовало, чтобы каждое второе

предложение первого абзаца начиналось с гласной буквы.

Все закивали. Увы и ах, всё так и обстояло. Измотанные в край преподаватели особо не запаривались, и поэтому большинство рабочек начиналось примерно так: "Ох, иже пояснительная записка к рабочей программе по курсу парапсихологии. Ах, этот предмет входит в состав обязательного перечня и предполагает формирование следующих компетенций" ну и так далее.

Разумеется, Центральный корпус все эти творения завернул, и теперь Мегера негодовала.

– Если намерены критиковать руководство, пишите жалобу на имя Которектора! – завелась она и погнала, погнала...

– Весело у вас, – шепнул Антон.

Мы сидели рядом, на достаточно безопасном расстоянии от разъярённой драконицы.

– Обхохочешься, – согласилась я.

– Она всегда такая? – Антон кивнул на Мегеру, которая разошлась так, что растопырила крылья и периодически рыкала огнём.

– Нет, что ты. На позапрошлой неделе она была плесенью, – сказала я. – Помню, зашла к ней, а она на стенах...

– Жуть. Но я не об этом.

– А о чём?

– Она всегда такая с коллективом?

– Всегда, – вздохнула я. – Но ты привыкнешь. Все привыкают со временем.

– Все да не все... – глубокомысленно заметил Антон. – Многие не выдерживают? Сильная у вас текучка?

Вопрос показался странным, но мне пришло в голову, что Антон не случайно прощупывает почву. Возможно, хочет задержаться у нас дольше, чем на пару месяцев. Было бы здорово – он неплохой парень.

– В ЗГУ проще работать тем, кто в силах здраво оценивать ситуацию, – аккуратно заметила я. – Здесь лучше не поддаваться эмоциям, не то пропадёшь. В буквальном смысле – среди руководства полно энергетических вампиров.

– Учту, – улыбнулся Антон. – А семья у неё есть? Муж, дети...

– У Мегеры? – зачем-то уточнила я и напряглась. Что за нездоровый интерес к начальству? Подозрительно всё это. Хотя... Чтобы прояснить этот момент, достаточно послушать местные сплетни. На кафедре то и дело моют друг другу кости, это в порядке вещей. Если не расскажу я, расскажет кто-нибудь другой. Та же Одоевская. Она когда из спячки выходит, трещит без умолку. Прямо находка для шпиона. Да и данные на Мегеру в открытом доступе. Так что... – У неё сын. Формально – наш сотрудник.

– Формально? – Антон сморщил лоб. – Это как?

– А так, – пожала я плечами. – Его часы вычитывают ассистенты, а он им потом деньги переводит. Если не забывает, конечно.

– Любопытная схема.

Я фыркнула. Эта любопытная схема со времён царя Гороха на ура практикуется. Тоже мне, секрет Полишинеля. Другой вопрос, что Мегера в сыне души не чаёт и буквально тащит его, разгильдяя великовозрастного, по карьерной лестнице. Вот об этом, пожалуй, лучше умолчать.

– Он тоже оборотень, как она?

– Он...

– Если хотите высказаться по поводу рабочих программ, прошу на сцену! – рявкнула директриса, пустив струю огня в нашем направлении. – А другие разговоры в другое время и в другом месте разговаривайте!

Антон подмигнул мне, и я не смогла сдержать улыбки. Похоже, он раскусил нашу шефиню, и все его вопросы требовались исключительно для составления психологического портрета. Как-никак, ему тут до июля продержаться надо, вот и выясняет, что к чему.

Вечером того же дня мы занялись его программами. Это оказалось проще, чем я думала. Физик без труда разобрался в материалах своего предшественника и мгновенно уловил ключевую суть правок. С компьютером он дружил на порядок лучше меня, и через пару-тройку часов все программы были готовы.

– Всё, – возвестил Антон, крайний раз пробежавшись глазами по таблицам. – Можно отправлять.

– Ни в коем случае! – возопила я и даже за руку его схватила. – Нет!

– Но... мы же всё доделали. Почему нет?

Почему-почему... Эх, молодёжь!

Я присела на подлокотник потёртого кресла – Антону досталась жилплощадь с мебелью – и взяла на руки урчащего Олега. Кот тут же начал ко мне ластиться. Вот же шерстяной подлиза! Не иначе, вкусняшку ждёт.

– Если Мегера (не дай Бог!) заподозрит, что ты хорошо и быстро выполняешь поручения, твоя жизнь на кафедре превратится в ад.

Антон хмыкнул, а я продолжила:

– Ты постоянно будешь делать всё и за всех, а единственной благодарностью, которую получишь, станут постоянные упрёки в профнепригодности.

– Грустно. Но что ты предлагаешь?

– Предлагаю поужинать, выгулять кота и лечь спать. Утро вечера мудренее.

– А программы?

Я отпустила Олега и подмигнула Антону.

– Перешли их в пять утра и скажи, что работал всю ночь.

– А Мегера не сочтёт меня тупицей?

– Пффф! – отмахнулась я. – Мегера априори всех считает тупицами.

– И даже Которектора?

– Нет, что ты, его она побаивается, – усмехнулась я. – Ну, до завтра. Спокойной ночи.

– До завтра, Нинель, – проводив меня до двери, сказал Ан-

тон. В тёплом взгляде сквозила улыбка. – Увидимся утром.

ГЛАВА 10. Суета сует

Шар. Здоровенный, до умопомрачения пушистый белоснежный шар парил над пустым креслом.

От удивления я даже выронила папку с входящими. Кошмар кошмарский!

– Здравствуй, драгоценная, разлюбезная моя Ниночка! – чудо рассупонило глаза – зелёные, с вертикальными зрачками – и максимально радушно улыбнулось пугающе огромным ртом. – Хде мой кофий?

– С-сейчас принесу, – выдавила я. – Как раз ос... ос...

– Что с вами, Ниночка? – пропел Шар. – Вас удивляет мой облик?

– Да нет, собственно, – привычным волевым усилием я вернула себе способность говорить словами через рот. – Просто... вы вся такая белая. И пушистая.

– О! Что, заметно, да?

– Немного. Самую малость.

– На следующей неделе приезжает проверяющий из Управления по контролю всего, – пояснила Мегера. Голос её звучал слаще мёда, а шёрстка лоснилась глаже, чем у Олега. – А в пятницу состоится контрольная проверка перед проверкой. Сама Абзац приедет! Поэтому всё должно пройти идеально. Вы поняли меня, Ниночка? И-де-аль-но! Так что,

будь любезна, дорогая, организуй в корпусе гармонию четвёртого порядка.

– Слушаюсь!

– Чудесненько, – промурлыкало мохнатое чудо. – И пусть все мёртвые студенты распишутся в заявлениях. Сегодня же.

– Но...

– Какие-то проблемы?

– Нет, что вы, проблем нет. Есть нюанс. – Я собралась с духом и выпалила: – Мёртвые студенты не смогут явиться в деканат.

– Это почему же? – пушистый шар воззрился с искренним удивлением.

– Они мертвые.

– Ах, Ниночка! – Будь у нового облика Мегеры рука, директриса непременно прижала бы ладонь к груди. Впрочем, груди у белого пушистого шара тоже не имелось. – Не утомляй меня такими пустяками! В конце концов, у нас что, некромантов мало? В крайнем случае, позвони Лиходейскому. В общем, не мне тебя учить, ты и сама всё знаешь. А на полдник вели подать цимес!

Последнее она бросила, когда я уже вылетела в коридор. Вот же... Цимес! Полный, тотальный и бесповоротный! Проверяющий на подходе, а у нас конь не то, что не валялся, а даже ещё не приходил! И студенты мёртвые! Проклятье. С чего же начать?

Наверное, всё-таки с цимеса. Если Мегера не пообедает –

сожрёт меня. К гадалке не ходи.

Я уверенно свернула в сторону буфета. Путь пролегал через опасную зону – в левом крыле размещались аудитории среднего профессионального образования. Праздно бродить здесь чревато: на СПО учились исключительно крампусы – рогатые мелкие бесы без царя в голове. Но, загруженная поручениями по самое не балуй, я напрочь забыла о козлоногих учащихся.

Зря.

– О-ох! – сорвалось с губ, когда вместе с трелью звонка в коридор хлынула волна рогатых недорослей. – М-ма-а-ма!

Козлоногие едва не сшибли меня. Точнее, они наверняка бы меня сшибли, а потом ещё и затоптали, если б меня не выдернули аккурат из-под несущейся толпы.

– Нинель! – Антон прижал меня к себе. – Пообедаем? В столовой подают чудесную запеканку!

– Не могу. – Я сдула упавшую на глаза прядь. – Времени в обрез. В пятницу проверка перед проверкой. Абзац придет, студенты мёртвые, цимес не готов... И даже конь ещё не приходил!

– Какой конь?

– Тот, который не валялся.

– Звучит серьёзно. – Он разжал объятия. – Может, тогда поужинаем?

– Прости, вряд ли получится.

– А как насчёт завтрака?

Я улыбнулась и помотала головой. Вот же неугомонный!

– Ладно, беги. – Он сунул руки в карманы и привалился спиной к стене. – Если передумаешь, знаешь, где меня искать.

Кощей Кощеевич смерил меня тяжёлым, как могильная плита, взором.

– Нина, – пробасил он. – Скажите честно, вы в своём уме?

– С утра была, – вздохнула я. – Вроде.

– Вот вы, казалось бы, образованная здравомыслящая бабышня, – Некромант закинул ногу на ногу и расправил полы чёрной профессорской мантии. – Ответьте на элементарный вопрос: как, по-вашему, возможно поднять две с лишним сотни покойников за полтора часа? Я что, похож на фокусника?

– Не похож, – сердито буркнула я. Можно подумать, массовое воскрешение – моя затея! Почему все шишки и шпильки вечно достаются мне? Надоело! – Мегера требует срочно. Если невозможно, так и скажите. Только не мне, а ей. Лично. Персонально.

Лиходейский смягчился.

– Понимаю, – кивнул он. – Проверка.

– Она самая.

Кощей участливо посмотрел на меня и лукаво прищурился.

– Есть у меня одна занятная идея...

Через пятнадцать минут мы уже стояли на обширном – в три гектара – учебном кладбище рядом с тренировочным жертвенным алтарём из дорожущего итальянского керамогранита (Которектор лично выбирал!). На покосившихся надгробиях и крестах с важным видом сидели упитанные вороны. Птицы с интересом наблюдали за происходящим. Я тоже.

Дипломники Лиходейского: хмурые парни и девушки в чёрных, точь-в-точь как у профессора, длиннополых балахонах с глубокими капюшонами выстроились в шеренгу и опустили очи долу.

– Авэ, дети мои, – сочный бас разнёсся над могилами.

– Авэ, мастер, – откликнулись адепты, учтиво поклонившись.

– Дети мои! – с мрачной торжественностью возвестил Кощей Кошеевич. – Настал час. Сегодня мы будем творить великое зло!

– Какое, мастер?

– Преддипломную практику, – разъяснил Лиходейский и растянул губы в недоброй усмешке. – Постигнем основы некромантии в промышленных масштабах. Все принесли, что я велел?

– Да, мастер!

Студиозусы вывернули карманы и высыпали на алтарь... разнообразные письменные принадлежности: ручки, карандаши и перья всех мастей и категорий. Кое-кто притащил па-

ру чернильниц, промокательную бумагу и массивные пресс-бювары [1].

Лиходейский кивнул с одобрением.

– Отлично, дети. И помните! Ни один росчерк не должен походить на предыдущий, ибо такова воля... э-э-э... великой Тьмы. Нина, – Кощей повернулся ко мне. – Заявления при вас?

– Все двести десять. – Я расторопно вытащился бумаги из папки. Протянула ему. – Плюс список имён и фамилий.

Он снова кивнул, и чёрные глаза его мрачно блеснули.

– Что ж... Пришёл черёд магии. Самой тёмной из всех возможных.

Лиходейский раздал заявления дипломникам. Каждому по тридцать пять. Я предоставила образец заполнения.

Меньше, чем через час, все заявления были подписаны. Сработали дипломники блестяще – ни одной похожей подписи! Никто, даже сам эксперт по контролю всего, не усомнился бы в их подлинности!

– Спасибо! Спасибо! – я чуть не кинулась к Лиходейскому обниматься. – Вы спасли мне жизнь!

– Полноте, Нина, – Кощей мягко опустил ладонь мне на плечо. – Всегда рад помочь. – Он строго глянул на подопечных. – А вы... Никому ни полслова! Проболтаетесь, языки отсохнут. Уяснили?

Адепты закивали.

– Вот и славно. – Он улыбнулся. – Давайте зачётки.

С подписанными заявлениями под мышкой и свежеприготовленным цимесом на подносе, я мчалась в кабинет Мегеры. Оставалось пересечь холл, миновать вахту, и...

Что за черт?

Я застыла у поста охраны, как вкопанная. Взгляд приклеился к экрану с внешней камеры наблюдения. То, что я увидела, заставило волосы встать дыбом. Треклятый поднос чуть не выпал из рук.

Кошмар кошмарский!

Я со всех ног рванула к вахте.

– Савелий! – окликнула вахтёра, и добродушный упитанный здоровяк приветливо отсалютовал мне пончиком. – Выручай! Дай звонок крампусам на перемену!

– Так ведь пять минут ещё...

– Знаю! – я просительно поглядела на него. – Дай, миленький. Пожалуйста. А я тебя цимесом угощу. Вот. – Поставила поднос на стойку ресепшена. – Совсем свежий!

– Эх! – улыбнулся здоровяк. – Умеешь ты, Нина, уговаривать!

Он жахнул по красной кнопке с надписью "Не нажимать!", и трель возвестила о завершении пары. Козлоногие стремглав высыпали из аудиторий и, вопя и гогоча, заполонили собой всё пространство.

То, что надо!

Я оставила Савелию угощение и тысячу благодарностей.

Повезло, что сегодня дежурит именно он. Его сменщица – Пантелея Душная – ни за что не пошла бы навстречу! У той вечно всё по правилам да по уставу, по букве закона и согласно внутреннему распорядку. А Савелий – добрый малый. И цимес он свой вполне заслужил.

– Мегера Душегубовна! – я влетела в кабинет без стука.

– Нина? – озадачился пушистый шар. – Дорогая, что ты себе позволяешь? Какая бестактность! И где мой цимес?

– Не до цимеса сейчас, – я понизила голос. – Абзац в корпусе.

Пресс-бювар – приспособление при помощи которого удаляют с написанного остатки чернил.

ГЛАВА 11. Абзац

Шар нахмурил зелёные очи.

– Уверена?

– Да.

– Но она собиралась к нам только в пятницу. А сегодня – вторник.

– Знаю. Но она здесь. Видела своими глазами.

– Вот же паскудина плесневелая! – Мегера вздыбила шерсть. – Её надо задержать.

– Уже, – отрапортовала я. – В коридорах повсюду крампусы. Сквозь них не продрасться – затопчут. Пока перемена, мы в безопасности.

Шар выматерился.

– Объявляй тревогу первого порядка. И вели надеть форму. Всем! И крампусам в первую очередь.

– Но... у крампусов нет формы, Мегера Душегубовна, – осторожно напомнила я. – Чертям форма по уставу не положена.

Шар злобно зыркнул на меня.

– Меня. Это. Не волнует! – рывкнула директриса. – Делай, как велено. И не перечь! Сама знаешь, Абзац всегда придирается к тому, чего нет. Ступай. Быстро!

Я выпорхнула из кабинета и побежала по коридору, вла-

мываясь в одну за другой лекционные аудитории и лаборатории. Хорошо, что долгих объяснений не требовалось: хватало одного единственного слова.

– Абзац! – коротко бросала я, и всё вмиг преображалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.